

Е. А. МАЙМИН

Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого

В своих заметках о Толстом А. М. Горький не случайно сближает имя автора «Исповеди» и «Так что же нам делать?» с именем «огнепального протопопа». В Толстом, писал Горький, «жило дерзкое и пытливое озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума... Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало». ¹ В замечании Горького не одна только яркая образность. Горький сбризил в своем сознании Толстого с Аввакумом, в котором ощущал прежде всего стойкого, непоколебимого («упрямая душа») и страстного борца («Аввакумово начало»). Быть может, именно эти черты личности Аввакума и привлекли к нему внимание Толстого в связи с замыслом романа из Петровской эпохи. Этот неосуществленный замысел относится к самому началу 70-х годов. В течение нескольких лет мысль написать роман из эпохи Петра не оставляла Толстого. Толстой много и упорно работает, и следы этой работы, дошедшие до нас, представляют исключительный интерес. Это не только отдельные художественные наброски будущего произведения, но и материалы по изучению исторических источников, относящихся к эпохе, занимающей писателя. Среди последних особое внимание привлекают отдельные листы в общей обложке, с надписью «Бумаги Петра», в которых имеются выписки из сочинений С. М. Соловьева, касающиеся древней русской истории. Немалое место в этих выписках Толстого занимает и личность протопопа Аввакума. ²

В 13-м томе «Истории России» С. М. Соловьев подробно останавливается на жизни и деятельности Аввакума, приводя целые куски из его «Жития». Читая Соловьева, Толстой делает выборочные, конспективные выписки, записывает то, что кажется ему особенно важным и заслуживающим внимания. Вместе с тем попутно он делает и свои замечания об Аввакуме.

Всего об Аввакуме Толстым сделано четыре выписки. Первая выписка — слова Соловьева, приведенные в сокращении, — «Аввакум в житии своем является не один, но окруженный целю дружиной подобных ему богатырей; тут же близко знакомится с особю рода богатырями и юродивыми, которым так же грузно от силушки, как от тяжелого бремени, и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босиком в одной рубашке». ³

¹ А. М. Горький. Лев Толстой. Заметки. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2. ГИХЛ, 1955, стр. 413.

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под ред. В. Г. Черткова, т. 17. М., 1936, стр. 395.

³ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

Второй выписке предпослана небольшая заметка, принадлежащая самому Толстому: «Аввакум — однорядку».⁴ Этого нет у Соловьева. Очевидно, эти слова не что иное, как первая зарисовка к портрету: в будущем романе из Петровских времен в качестве одного из персонажей должен будет выступить и Аввакум, и писатель видит его одетым (соответственно свидетельству «Жития») в старинную мужскую одежду, в однорядный долгополый кафтан-однорядку. Далее у Толстого следует еще одно замечание — предварительное, обобщенно-конспективное замечание писателя о характере своего героя: «Злой, энергичный»,⁵ что иллюстрируется кратким пересказом того, о чем говорится у Соловьева: «Дочь [один начальный человек] отнял у матери. Аввакум вступился». И тут же еще один факт из жизни протопопы, еще одна иллюстрация к приведенным определяющим чертам характера — причем слово предоставляется, как это делается и у Соловьева, самому Аввакуму: «Пришли в село мое плясовые медведи и с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отняв; — одного убил и паки ожил, а другого пустил в поле».⁶ Толстой цитирует не точно. У Аввакума, и соответственно тому у Соловьева, читаем не «убил», а «ушиб», не «пришли», а «придоша» и т. д. К точному цитированию Толстой и не стремится. Видно, что выписки важны ему не как строго документальный материал, а как художественные заготовки, которые еще предстоит обрабатывать сообразно конкретному писательскому замыслу.

Третья выписка — о ссылке Аввакума в Даурию и истязаниях, которым его подвергает Афанасий Пашков. Толстой цитирует из «Жития» вслед за Соловьевым: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать...» и обрывает цитату на словах: «Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит — голову заломя на горы смотреть». И тут же добавляет от себя как вывод характеристику стиля Аввакума: «Быстрая речь, на волоске шутка мрачная».⁷

Четвертая выписка — новые факты из жизни Аввакума с неточной цитацией. «Десять лет, — говорит Аввакум, — Пашков меня мучил или я его, не знаю. Бог разберет. Наконец пришла грамота — велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города».⁸ У Соловьева это место предпослано рассказу о том, как упавшему было духом протопопу помогла бодрым словом протопопица. Толстого протопопица не интересует. Он ограничивается только приведенными фактами, касающимися самого Аввакума, и следом делает приписку — приписку писателя, художника, которого всегда особенно интересует характерная деталь в человеке. Он пишет: «Себя называет: протопоп».⁹ Это, разумеется, прямо для романа, это писательская заметка к будущему произведению.

В том же месте есть еще одна приписка Толстого: «Себя отстегивал». И рядом приводятся слова Аввакума из «Жития», сказанные им вселенским патриархам: «Мы уроды во Христе (у Аввакума: «Христа ради», — Е. М.), вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны».¹⁰

Дошедшие до нас материалы, связанные с толстовским замыслом исторического романа из эпохи Петра, в той части, которая относится непо-

⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁵ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁶ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁷ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁸ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

¹⁰ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

средственно к протопопу Аввакуму, свидетельствуют о весьма своеобразном интересе Толстого к знаменитому деятелю раскола.

В это время Аввакум существует для Толстого главным образом как яркая самобытная личность. Именно с этой стороны он привлекает больше всего внимание художника. В Аввакуме Толстой видит будущего героя своего произведения; в связи с ним его интересует все особенное, неповторимое, — все то, что может помочь писателю создать убедительный и живой характер, образ. В конечном счете, протопоп Аввакум интересует Толстого как один из самых замечательных русских людей XVII в. Аввакум — писатель, стилист, непревзойденный мастер родной русской речи пока что для Толстого остается на заднем плане, хотя он и отмечает уже существенную черту — «на волоске шутка мрачная». Сама неточность цитирования произведений Аввакума может служить косвенным свидетельством особой, иной направленности внимания: факты из жизни, характерные детали, а не слова, не форма их выражения важны Толстому. Интерес к Аввакуму — писателю, стилисту появится у Толстого несколько позже, хотя и в очевидной связи с его работой над романом из эпохи Петра.

Работа над историческим романом о Петре вообще заставила Толстого ближе познакомиться с древнерусской литературой. Познакомиться — и оценить. В дневнике жены писателя, С. А. Толстой, под 27 марта 1871 г. мы находим строки, относящиеся к Толстому: «Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи, жития святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».¹¹ Следствием близкого знакомства с древнерусской литературой явились у Толстого и мысли о недостатках в современной постановке преподавания словесности в школе. В своих воспоминаниях об отце С. Л. Толстой пишет: «О преподавании русской литературы Лев Николаевич говорил: „Обыкновенно сообщают очень немногое о былинах и летописях и о допетровских русских писателях — о переписке Ивана Грозного с Курбским, о жизнеописании протопопа Аввакума, о Котошихине, Посошкове и др. Между тем это серьезная содержательная литература...».¹² Интересно, что здесь уже «Житие» Аввакума упоминается Толстым среди других выдающихся явлений древней русской литературы. Это дань внимания к Аввакуму — писателю, это признание за его сочинениями литературной ценности.

В конце 70-х годов Аввакум как будто бы начинает занимать Толстого еще и с новой стороны. Толстой в это время переживает самый острый период религиозных исканий. В связи с этим усиливается его интерес к религиозным течениям, которые противопоставляли себя официальной православной церкви, и в том числе к старообрядчеству. В начале мая 1878 г. он пишет статью, которую посвящает спорам старообрядцев с православными, издавна происходившим в Московском Кремле на пасхальной неделе. Статья, так и не законченная Толстым, носила название «Прения о вере в Кремле».¹³ Незадолго перед этим в письме к Н. Н. Страхову Толстой пишет: «Еще просьба: Путешествие инока Парфения и попа раскольника Авакума и раскольничьего что есть, но не обработанного, а сырого матерьяла. Если что есть, или вы узнаете, пришлите мне, пожалуйста».¹⁴ Аввакум теперь интересует Толстого, очевидно, как идеолог, как вождь особой религиозной секты. В нем Толстой хочет найти некую опору, поддержку в своих религиозных исканиях, в своем неприятии казенной

¹¹ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891 Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 34.

¹² С. Л. Толстой. Очерки былого. Мой отец в семидесятых годах. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1. ГИХЛ, 1955, стр. 171.

¹³ См.: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 145—150.

¹⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 62 М., 1953, стр. 400.

официальной церкви. Но найти поддержку в этом у Аввакума, как и вообще в старообрядческом движении, Толстой, естественно, не мог (недаром он не закончил свою статью, посвященную спорам старообрядцев с православными: пропал интерес). Более того, Толстой, по-видимому (как и Тургенев), вообще не мог серьезно воспринимать Аввакума как идеолога, воспринимать так же, как он воспринимал, например, своего современника сектанта Сютаева или, в плане социальном, крестьянского писателя Бондарева. Не случайно об Аввакуме-идеологе мы не находим у Толстого ни одного высказывания. Зато, познакомившись ближе с произведениями Аввакума, Толстой увлекается ими с другой стороны — как литератор. Не религиозный реформатор читает Аввакума, но писатель, которому особенно дорога живая русская речь.

Сохранился в бумагах Толстого очень важный в этом смысле документ: записная книжка, опубликованная под № 8,¹⁵ в которой Толстой делал записи в 1879—1880 гг. Интересен уже характер и источник этих записей. Толстой делает выписки из сочинений протопопа Аввакума, словаря Даля, записывает народные выражения, обороты, отдельные слова, услышанные им самим. Само по себе соседство значительно: слова и обороты из сочинений Аввакума рядом с предложениями, взятыми у Даля, рядом с образцами живого народного языка. Очевидно, язык Аввакума воспринимается Толстым в том же плане, что и язык народный: как яркий пример не стертой, не традиционно-литературной, но живой разговорной речи, с ее привлекательной свежестью, выразительностью.

Из сочинений Аввакума Толстой не просто выписывает, но подчеркивает, выделяет особо понравившиеся ему обороты, выражения, слова.

Из «Жития»: «Он надо мною делает за посмея»; «Поглядеть заламя голову»; «Навозная рожа. Протолкался к матери»; «Я только выволокся в Москву»; «Жгом огнем блудным, угаси тот огонь»; «Больно у Христа остра шепалуга та»; «Нестройство в дому»; «Развякался. Блязновато»; «Исцелел в уме».

Примеры яркой, живой, выразительной и динамичной фразы из того же «Жития»: «Река мелкая, плоты тяжелые, пристава немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска, люди голодные, лишь станут мучить, ино и умрет»; «Час, другой полегит, встанет, 1000 поклонов отбрасает и сядет».

Из книги на крестоборную ересь: «Удавили на виселице. Потонку неколи писать. Употчивали палками. Миленькой»; «Когда гневается — тигр, когда блудный — осел, когда объедается — свинья, когда убивает — сам дьявол».

Из «Челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу»: «Не покручинься, царь. Ты раб за уряд со всеми».

Из «Послания протопопа Аввакума к боярыне Морозовой»: «Медок переставай попивать. Нам и воды в честь, а живем же».

Из «Письма Аввакума боярыне Морозовой и сестре ее княгине Урусовой»: «Некого четками стегать и не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке погладить. Нет миленького сударика. В последнее видели, как причастили его».¹⁶

Все выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, как легко заметить, имеют единый характер и, соответственно, одно общее назначение. Как правило, они не представляют собою выражений законченного содержания, но всегда являются некими стилизованными образцами. Выращения «поглядеть заламя голову», «выволокся», «развякался» и др.

¹⁵ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48. М., 1952, стр. 260—292.

¹⁶ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 260—292.

интересовали Толстого как примеры языковой новизны, смелости, самообытности, как яркая, не избитая словесная форма. Нет нужды говорить, как эта языковая свежесть и самообытность важна была писателю, как должен был ухватиться за нее Толстой, особенно в конце 70-х годов, когда его волновали мысли о подлинно народном искусстве, когда он уже задумал писать свои народные рассказы.

Вопрос о том, использовал ли Толстой сделанные им из сочинений Аввакума выписки, употреблял ли он полюбившиеся ему словечки и выражения в своих произведениях, не имеет принципиального значения. Записная книжка писателя — это не только памятная книжка. Писатель может никогда и не воспользоваться непосредственно тем, что он записал. Но это не значит, что записанное пропало: как закрепление работы мысли, воображения художника, как закрепление впечатления (в данном случае — речевого впечатления) запись уже сама по себе сыграла роль в творческом становлении писателя.

Выписки отдельных речевых оборотов, выражений и слов из сочинений Аввакума — несомненное свидетельство той высокой оценки, которую давал в эту пору Толстой Аввакуму как писателю, как стилисту.

Высокое мнение об Аввакуме как стилисте сохранилось у Толстого и в дальнейшем, как сохранился и интерес к самой личности протопопа. В сентябре 1885 г., предполагая издавать «Народный журнал», Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то, чтобы он был однообразен, а напротив — чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный».¹⁷ Спустя 10 лет Толстой снова в беседе с В. Ф. Лазурским упоминает об Аввакуме как о превосходном стилисте. Говоря о недостатках в преподавании словесности, Толстой предлагает свою программу. Лазурский приводит слова Толстого: «...из книжной словесности остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники)».¹⁸

Свидетельства живейшего интереса Толстого к Аввакуму мы имеем и от более позднего времени. В дневнике С. А. Толстой под датой 3 февраля 1904 г. записано: «Толстой читал вслух семейным Житие протопопа Аввакума».¹⁹ А двумя годами позднее, как сообщает Д. П. Маковицкий, Толстой снова обращается к Аввакуму: «После обеда Лев Николаевич читал нам из Истории Соловьева про протопопа Аввакума. Во время чтения прослезился. С большим уважением и любовью говорил о нем. Хвалил выдержки из Жития Аввакума, приводимые Соловьевым: „Коротко и образно“».²⁰

Так, раз зародившийся, до конца жизни сохранился интерес Толстого к Аввакуму — своеобразнейшему человеку и замечательному писателю.

Этот интерес для нас имеет не только частное значение. Он является еще одним лишним свидетельством того, что в XIX в., в одну из самых славных эпох в истории русской литературы, в эпоху ее расцвета и всемирной славы, не забыт был автор «Жития», высоко ценился и оказывал воздействие на писателей как несравненный мастер живого русского слова.

¹⁷ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 63. М.—Л., 1934, стр. 286.

¹⁸ В. Ф. Лазурский. Дневник. Запись под 29 декабря 1895 г. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2, стр. 53.

¹⁹ См.: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 55. М., 1937, стр. 400.

²⁰ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 544.